

РУССКИЙ ЯЗЫК В ШКОЛЕ

1 9 5 4

У Ч П Е Д Г И З

Проф. Н. В. Трунев

О ЯЗЫКЕ ПИСЬМА ВАНЬКИ ЖУКОВА

(По рассказу А. П. Чехова «Ванька»)

Три лета — 1885 — 1887 гг. — Чехов прожил на даче в имении Киселевых Бабкине, недалеко от Москвы. Он подружился с семьей Киселевых; дети хозяев полюбили его. Зимой 1888/89 г. сын Киселевых, поступивший в первый класс гимназии, жил в семье Чеховых. Чехов откровенно писал родителям о его здоровье, ученье, поведении. Родители волновались из-за того, что их Сережа ничего им не пишет. Вот как объяснил это Чехов: «Не пишет он писем по простой причине: не умеет. Написать письмо для него подвиг. Чтобы писать письмо, надо привыкнуть, а он до сих пор в своих писаниях не был ни разу самостоятелен и, как все перво-классники, не решался идти дальше копирования» (21/X 1888 г.). Сереже Киселеву было в ту пору девять лет — обычный возраст ученика первого класса. В гимназию принимали не просто грамотных, но в основном овладевших орфографией. Таким был, конечно, и Сережа. И Чехов, видимо, находит совершенно естественным, что этот барчук не умеет написать письмо.

Весной этого же, 1888 г. Чехов вел переписку об издании второй книжки своих рассказов, в которую должен был войти рассказ «Ванька». В этом рассказе изображено, как «Ванька Жуков, девятилетний мальчик, отданный три месяца тому назад в ученье к сапожнику Аляхину», пишет письмо деду, первое в своей жизни письмо. В школе Ванька не учился, о гимназии, ко-

нечно, и не слышал. «Когда была жива Ванькина мать Пелагея и служила у господ в горничных, Ольга Игнатьевна (барышня) кормила Ваньку леденцами и от нечего делать выучила его читать, писать, считать до ста и даже танцевать кадрили». Вот и все Ванькино образование. «Когда же Пелагея умерла, сиротку Ваньку спровадили в людскую кухню, а из кухни в Москву к сапожнику Аляхину». Для Сережи написать письмо — подвиг, о котором он и не помышляет. Его ровесник Ванька пишет письмо деду. Хотя он и не упражнялся в копировании, но у него получается письмо, проникнутое умом и чувством.

Письмо Ваньки коротко, но по словарю разнообразно. В нем около 450 слов, причем одни и те же слова почти не повторяются. Словарь Ваньки показывает, что, несмотря на малый возраст, у него довольно большой запас наблюдений и он умеет пользоваться этим запасом, чтобы осмыслить новые впечатления. «А раз я видел в одной лавке на окне крючки продаются прямо с леской на всякую рыбу очень стоящие, даже такой есть один крючок, что пудового сома удержит», — пишет он. Он знает кое-что о рыбной ловле, видел, как ловят сомов, или интересовался рассказами об этом. Знает он и дичь: зайцы, рябцы, тетерева. Он не раз любовался ружьями барина, оценивал их в сумму, больше которой ничего не мог представить: «В лавке ружья на манер бариновых, так что небось

рублей сто каждое» (барышня Ольга Игнатьевна выучила его считать до ста). Он помнит «елку с гостинцами», с которой и ему кой-что перепало. Он знает «золоченый орех», которому придает, видно, не столько вкусовое, сколько эстетическое значение.

Для описания своей жизни у сапожника Ванька находит яркие и разнообразные краски. «Хозяин бьет чем попадя» — это, так сказать, сообщение общего порядка. Оно детализируется: «Выволок на двор и отчесал шпандырем», «колодкой по голове ударил», «Дерется не только хозяин: все меня колотят». Для каждого случая побоев новое слово: *бьет, ударил, отчесал, колотят*. Все слова эмоционально окрашены или сами по себе, или посредством дополняющих выражений: нейтральное *бьет* усилено фразеологизмом *чем попадя*, спокойное как будто *ударил* приобретает особую выразительность от прибавления *колодкой по голове*. Выпукло изображается издевательство хозяйки: «Взяла селедку и начала ейной мордой меня в харю тыкать». И здесь Ванька обнаруживает умение разобратся в языковом материале. Он не знает слова *лицо* или считает его в данном случае неподходящим (в грубых житейских обстоятельствах и слова нужны грубые), но понимает, что к селедке нельзя приложить слово *харя*: *харя* только у человека. Естественно, что на долю селедки осталась только *морда*, хотя, может быть, это слово не вполне подходит и к рыбе.

Ванька голодает: «Еды нету никакой». Ему все время «кушать хочется», так как утром ему дают хлеба, в обед каши, а к вечеру тоже хлеб, «а чтоб чаю или шей, то хозяева сами трескают». *Есть, еда* — обычные слова в таких случаях. *Кушать* — вежливое слово, употребляемое при угощении: «Кушайте, пожалуйста». Слово *трескать* показывает пренебрежительное, брезгливое даже отношение к «трескающему». В этом случае Ванька обнаруживает не только умение разными словами выразить одно понятие (умение пользоваться синонимами),

но и способность придать речи нужную эмоциональную окраску.

Для оценки своего положения он нашел очень меткие, хоть и грубые слова: «Пропадающая моя жизнь, хуже собаки всякой... Нету никакой возможности, просто смерть одна». Для своего деда Ванька находит горячие слова и ласки, и просьбы.

Никаких следов литературной начитанности язык письма Ваньки не обнаруживает. Нет ни одного слова или выражения, которых не могли бы понять и употребить Алена, кривой Егорка, кучер или сам дедушка Константин Макарыч, кроме разве «шпандыря». С другой стороны, кроме немногих нелитературных слов, это письмо не могло бы оскорбить вкусов матери Сережи Киселева, образованной женщины, да еще детской писательницы. Это народный русский язык — в том смысле, что им писали и говорили люди, не причастные к науке и книге, крестьяне. Список «вульгаризмов» не очень велик: *волосья, вчерась, выволочка, ребяенок, ейный, ихний, заместо, помрешь, помру, пуцают, стоящие, небось, страсть* (хочется), *намедни, очухался*. Многие из этих слов проникали в литературу; некоторые в XVIII в. считались литературными, да и теперь литературный разговорный язык часть из них допускает (см. Чернышев, Правильность и чистота русской речи).

Чехов утешает Киселева тем, что его сын не умеет писать писем. Ванька тоже до сих пор никогда не писал писем. Откуда такая разница?

Искать ее в литературной одаренности одного и бездарности другого, конечно, не следует. Ванька жил в деревне тем, что он вспоминает: рыбная ловля, бариновы ружья, дичь, лошади, овцы, церковная «активность» (хождение со звездой очень похоже на веселую игру), природа, лес — и вдруг резкая перемена: большой город, страшная жизнь и ученье у сапожника. Ванька испытал немало, ему есть о чем подумать, что с чем сравнить. И он чувствует, что ему нужно писать. «А то помру», — пишет он.

Показателен синтаксис письма Ваньки. В нем преобладают простые

конструкции. Предложения соединяются или без союзов, или посредством присоединительного союза *а*. Из 26 случаев употребления этого союза только в двух-трех он имеет противительное значение, да и то не в полной мере. Например: «А на неделе хозяйка велела мне почистить селедку, а я начал с хвоста, а она взяла селедку и начала ейной мордой мне в харю тыкать»; «А Москва город большой, дома все господские, и лошадей много, а овец нет, и собаки не злые. Со звездой здесь ребята не ходят, и на клирос петь никого не пускают, а раз я видел в одной лавке на окне крючки продаются... А в мясных лавках и тетерева, и рябцы, и зайцы, а в котором месте их стреляют, про то сидельцы не сказывают».

Это очень напоминает старинные русские предложения. Вот, например: «И тут есть Индейская земля, и люди ходят наги все, а голова непокрыта, а груди голы, а волосы в одну косу плетены,... а детей у них много, а мужи и жены все черны; яз хожу куды, ино за мной людей много, дивятся белому человеку. А князь их фота на голове, а другая на бедрах» (Аф. Никитин «Хождение за три моря»). Подобные построения имеются и в поэтических народных произведениях: «А Садко остался в синем море, а сокол корабль по морю пошел, а все корабли как соколы летят, а един корабль по морю бежит как бел кречет». Можно встретить такие построения и в «Горе-Злочастии», да и во многих народных произведениях. Недаром Тургенев заставляет Касьяна с Красивой Мечи петь: «А зовут меня Касьяном, а по прозвищу Блоха». А. К. Толстой начинает стихотворение «народного склада»: «А и честь ли то молодцу лен прясти, а и хвала ли боярину кичку носить».

В письме Ваньки есть и сложно-подчиненные предложения. Например: «Хозяин отчесал шпандырем за то, что я качал ихнего ребятенка в люльке и по нечаянности заснул», «А когда ребяенок ихний плачет, я вовсе не сплю, а качаю люльку», «А когда вырасту большой, за это

самое буду тебя кормить и в обиду никому не дам, а помрешь, стану за упокой души молить» и т. д.

Все это не книжные сложные предложения, они вполне укладываются в стиль разговорной речи.

Ванька весь погружен в народную речь, в ее словарь и семантику, и эта речь служит ему в нужную минуту.

В своем письме он широко пользуется народной фразеологией. Его поздравление деда с праздником — издавна сложившаяся формула, которой начинались «народные» поздравительные письма (вариант: «В первых строках моего письма...»). Трогательные обращения Ваньки к дедушке («Сделай божечку милость, Христом богом тебя молю, кланяюсь тебе в ножки и буду вечно бога молить, в обиду никому не дам, стану за упокой души молить») носят такой же характер.

Фразеологических оборотов, взятых из окружающей народной речи, у Ваньки много. Например: «Нет у меня ни отца, ни маменьки, только ты у меня один остался»; «...мне была выволочка»; «...бьет чем попадая»; «Кланяюсь тебе в ножки»; «...секи меня, как сидорову козу»; «...за упокой души молить»; «Пожалей ты меня, сироту несчастную»; «...кушать страсть хочется»; «...насилу очухался»; «Пропадающая моя жизнь, хуже собаки всякой...»

Язык Ваньки, как отмечалось, напоминает о языке народной поэзии и близком к нему языке старых писателей — выходцев из народа. Связь между отдаленным (хронологически) прошлым и настоящим в письме Ваньки очень заметна: это связь с далеким, допетровским литературным прошлым. Деревня 80-х годов XIX в. еще не почувствовала и не отразила в своем языке развития литературного языка XVIII—XIX вв.

Чехов сумел показать внутренний мир крестьянина (пусть хоть и мальчика) через его язык. Это большой шаг вперед по сравнению с другими писателями, изображавшими крестьян.